

На вопросы редакции отвечает
**основатель и генеральный директор
группы компаний «Налоги
и финансовое право»
кандидат юридических наук
Аркадий Викторович БРЫЗГАЛИН**

ЛУЧШАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ — НЕ ПЕРЕПЛАЧИВАТЬ НАЛОГИ

Основатель и бессменный руководитель Группы компаний «Налоги и финансовое право», главный редактор журнала «Налоги и финансовое право» (с 1994 года), почетный профессор Уральского института экономики, управления и права (2009), член научно-консультативных советов при арбитражных судах Уральского округа, Свердловской области, Челябинской области.

С 2014 года является экспертом при Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Свердловской области и экспертом при Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Пермском крае. Автор более 300 научных публикаций, статей и книг.

— Как бы Вы охарактеризовали налоговую реформу, которую сейчас проводят по частям? Какие еще изменения нам следует ожидать?

— В первую очередь я бы отметил, что это не реформа, а комплексная донастройка налоговой политики и налоговой системы. До реформы мы еще не дошли, хотя и казалось, что она была рядом. Без сомнения, это только начало масштабных изменений в налоговой сфере. Продолжение будет, возможно, не так скоро, но я прогнозирую, что где-нибудь во второй половине следующего года власти продолжат свою работу по пересмотру основных параметров налоговой политики, а то и налоговой системы. Это обусловлено тем, что сейчас идет трансформация всей экономики. Появились новые приоритеты, меняется структура расходов бюджета и требуется увеличение объема бюджетных средств. По сравнению с 2022 годом почти в два раза выросли доходы и расходы федерального бюджета. Страна взяла ориентир на новую суверен-

ную экономику, это не может не затронуть налоги. Поэтому изменения, которые мы наблюдаем сейчас, это, так сказать, первая ласточка или предвестники более серьезных мер.

Может быть, в Основных направлениях налоговой политики (которые Минфин обнародовал в конце сентября) конкретные контуры будущего не видны, но уже и без того понятно, что осталось очень много нерешенных старых проблем и появляются новые, и решать их будут посредством пошаговой, постепенной донастройки. В мировой практике есть разные модели налогообложения, и надо понимать, что наша модель сложилась 25 лет назад, в конце 90-х годов. Конечно, она требует изменения. В каких направлениях — я могу только предположить. Например, напрашивается на поправки региональное и местное налогообложение. Текущие изменения касаются только федерального уровня, но на региональном и местном уровнях тоже накопилось много проблем, и законодателю придется их коснуться рано или поздно. По самозанятым очень много вопросов. Думаю также, что увеличат прогрессию в налогообложении доходов — возможно, не в следующем году, а через год, — потому что ставка в 22% до того символична, что складывается впечатление, будто это разминка, мягкий вариант изменений. Полагаю, не исключено и появление новых оборотных налогов. Например, недавно введенный туристический налог — по своей сути оборотный. В прошлом году в Государственной Думе дважды предлагались проекты по так называемому ресторанному сбору или ресторанному налогу. Нельзя не сказать о том, что уже началась дискуссия о необходимости пересмотра некоторых принципов налогообложения.

Таким образом, мы в начале большого пути изменений в налоговой системе, и насколько масштабными будут эти изменения — зависит от экономики.

— Вы говорите, есть разные модели, разные налоговые системы. Можно ли сравнить модель, которая у нас была, с той, к которой мы идем?

— Если говорить конкретно, то мы идем к повышению налоговой нагрузки на все секторы экономики, на все категории налогоплательщиков. Надо готовиться именно к этому. Эпоха низких налогов прошла. Будут, конечно, льготы, какие-то преференции, но — точеч-

ные, выверенные. Это обусловлено политической и экономической ситуацией.

— Если говорить о льготах и выверенных преференциях, есть ли перспектива введения института налогового капитала, согласно которому размер вычетов, льгот, скидок, социальных услуг будет зависеть от добросовестности налогоплательщика и от суммы уплачиваемых налогов? Как Вы относитесь к такой идее?

— Пока это скорее дискуссия, которая ведется отдельными специалистами. С идеей поддержки на законодательном уровне добросовестных налогоплательщиков я согласен на сто процентов. Наши налоговая система и законодательство вообще мало ориентированы на поддержку. Наверное, только п. 4 ст. 81 НК — освобождение от ответственности в связи с добровольным исправлением ошибок — в какой-то мере освобождает от санкций, да еще регрессия по страховым взносам и сейчас амнистии капитала и дробления. Вот и все поощрительные меры. Я уже лет двадцать говорю о том, что кроме наказания нерадивых налогоплательщиков надо поддержать добросовестных.

Сама идея налогового капитала, когда льготы и преференции ставятся в зависимость от размера выплаченных налогов, вполне обоснованна. В комплексе мер поддержки она бы очень хорошо смотрелась, это нормальный подход. Другое дело, что, конечно, власти не будут его применять широко. И естественно, возникнут вопросы о критериях применения, поскольку формальный подход (достиг какого-то уровня уплаченных налогов и у тебя автоматически возникают льготы) несет риск того, что налогоплательщики будут создавать искусственные меры наращивания налоговой нагрузки и злоупотреблять правом на льготы. С другой стороны, угроза злоупотреблений не должна лишать прав добросовестных граждан. На то и налоговая политика, чтобы бороться со злоупотреблениями.

Надо отметить, что частично эта идея уже применяется: при возмещении НДС, в рамках института налогового капитала для самозанятых (пусть и разового). Но нужно больше мер поддержки, надо поощрять налогоплательщиков, которые работают давно. У нас как-то больше поддерживают начинающих предпринимателей — в первые два или три года от начала деятельности даются пониженные ставки, дополни-

тельные льготы, а мне кажется, надо поддерживать и тех, кто давно работает. Потому что неизвестно, что для общества хуже: прекращение деятельности давно работающего налогоплательщика или деятельности новых, еще не проверенных налогоплательщиков. Ведь прекращение деятельности компании, у которой есть рабочие места, ниша на рынке, налоги от которой уже формируют бюджет, повлечет совсем иные последствия, чем закрытие неудачного стартапа.

Перекус в сторону поддержки вновь создаваемого бизнеса, думаю, должен как-то выравниваться, чтобы и те, кто давно работает, и те, кто на рынке недавно, могли существовать и развиваться.

В целом сейчас идея введения налогового капитала широкой поддержки не имеет, о ней пишут несколько человек, и она выглядит скорее как экзотическая. Но когда законодатель повернется лицом к добросовестному налогоплательщику, тема налогового капитала будет востребована.

— И все-таки есть ли у нас какая-то концепция изменения налоговой системы, кроме общего повышения налоговой нагрузки?

— Моделей существует несколько, и они реализуются по-разному, что в Европе, что в США. У нас какой-то стройной системы — условно, нацпроекта «Налоги» — нет. Судя по действиям властей, они исходят из того, что наша налоговая система нормальная и выполняет свою главную — фискальную — функцию, пополняет бюджет. Конечно, она нуждается в донстройке, совершенствовании, но конкретных ориентиров для ее изменения нет. Почему я так думаю? Президент говорил в бюджетном послании о том, что нам надо донстроить налоговую систему так, чтобы до тридцатого года ее не трогать. И он говорит это постоянно, вместе с министром финансов. А если мы откроем Основные направления налоговой политики Минфина, то там по одному лишь НДФЛ предлагаются тридцать пунктов для будущего совершенствования. И это только на краткосрочную перспективу, а на среднесрочную еще около пятнадцати. Поэтому нельзя сказать, что наша налоговая политика развивается хаотично или эклектично, нет, какое-то общее понимание есть, но то, что наша налоговая система останется в существующих ныне параметрах, несомненно. Да и ситуация сейчас не та, чтобы проводить

налоговую реформу. Поэтому я считаю, что пока реформа нам не грозит.

Помнится, в 2021 году председатель Комитета Госдумы по бюджету и налогам Андрей Михайлович Макаров сказал, что нам нужна новая редакция Налогового кодекса. Даже рабочая группа была создана, но нас, независимых экспертов, в нее не пустили, а в итоге от этой идеи отказались.

— Есть ли у Правительства постоянная связь с независимыми экспертами по налогам? Или чиновники самостоятельно решают вопросы изменения налогообложения?

— Они советуются с экспертами, но на каком-то символическом уровне. Когда принимались последние изменения, то предварительно в Совете Федерации провели круглый стол. Участвовали сенаторы, чиновники, Минфин, ФНС, пригласили очень широкую общественность. Вашему покорному слуге там даже три минуты дали выступить, прокричать что-то с трибуны. Но системной работы или системной связи с экспертным сообществом не существует. В основном это работает в один конец. Иногда нам задают вопросы, мы озвучиваем свое мнение, и на этом всё.

Мы, конечно, не сидим, не ждем, пока нас позовут. Мы стучимся во все двери. Мы работаем через деловые сообщества как на федеральном, так и на региональном уровне (Деловая Россия, Союз промышленников, уполномоченные по защите прав предпринимателей, палата налоговых консультантов, общественные советы при ФНС). Хорошо, что есть такие институты, но, по мне, все-таки этого недостаточно. Прямой диалог дает гораздо больше эффекта. Вот, например, 15–16 октября в Нижнем Новгороде состоялся форум налогового права, на котором собрались Федеральная налоговая служба, Верховный Суд, Университет правосудия. Как я понял, первоначально они хотели обсудить перспективы налоговой политики между собой, но потом решили, что без экспертов не обойтись, и была приглашена плеяда профессиональных экспертов. Состоялся очень интересный диалог. Мне кажется, если бы это было вынесено на уровень Минфина, Комитета по налогам и бюджету, это было бы эффективнее.

— В налоговой политике, в устройстве налоговой системы мы ориентируемся на какой-либо ино-

странный образец? Или у нас самобытная модель и нам никто не интересен?

— Нам более близка европейская модель — и по системе налогов, и по принципам, и по администрированию. Это прежде всего Германия, Франция. У них мы очень многое почерпнули. Раньше, во всяком случае до 2014 года, мы с иностранцами общались более плотно. Был прямой диалог и с европейцами, и с Соединенными Штатами, и даже с Украиной, которая в части налогообложения пошла по своему пути. Очень широко обменивались опытом. После 2014 года эти контакты либо пропали, как с Украиной, либо были сведены к минимуму. Можно заметить, что практически нет переводов научной, теоретической, непрактической зарубежной литературы по налогам. Я знаю, что мои коллеги инициативно переводят и издают какие-то книги, но этого мало. Сейчас в основном обмен опытом с зарубежными коллегами идет через российское научное представительство: ученые, занимающиеся теоретическими разработками, следят за зарубежным опытом и как-то его транслируют в Россию. В качестве примера я могу привести профессора Александра Васильевича Демина из Красноярска, который мониторит судебную практику Европейского суда по налоговым спорам, Сергея Геннадьевича Пепеляева, который как раз переводит книгу венгерского налогового эксперта, и скоро она должна увидеть свет. Я очень жду эту книгу. В диссертациях видны какие-то ссылки, заимствования из зарубежного опыта.

Несмотря на санкции, Россия остается частью мировой экономики, поэтому мы не сможем совсем игнорировать зарубежный опыт. Взять тот же БРИКС, саммит которого прошел недавно. У нас же есть специальный институт, который исследует налоги в БРИКС. Возглавляет его мой коллега и друг Данил Владимирович Винницкий. Так что обмен опытом с зарубежными юрисдикциями идет, но, к сожалению, лишь опосредованно, не напрямую. Китайский опыт нам мало подходит, мы что-то выдергиваем из Китая, но несистемно, случайно. Поэтому ответ на ваш вопрос следующий: да, мы изучаем иностранное налоговое право, но намного меньше, чем раньше, и непоследовательно.

— **Сейчас многие налоговые соглашения приостановлены в связи с политической ситуацией. С какими трудностями на практике сталкиваются налогоплательщики из-за этой приостановки?**

Что можно сделать, чтобы избежать двойного налогообложения?

— Мы приостановили действие положений, которые в большинстве своем касаются льгот для иностранных инвесторов. Сам институт исключения или избежания двойного налогообложения практически не затронут. Во всяком случае, наше национальное законодательство позволяет применять вычет в виде налогов, уплаченных за рубежом (ст. 233, 311 НК). Проблема скорее в том, что теперь надо индивидуально рассматривать каждый случай в зависимости от страны. У меня складывается впечатление, что проблемы есть, но это проблемы или персонального, индивидуального характера, или зависящие от юрисдикции. Одни страны приостанавливают соглашения, другие их денонсируют, а третьи просто не исполняют.

Например, у нас есть Многостороннее соглашение компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией от 29 октября 2014 года, но оно не исполняется некоторыми государствами. Кто-то передает информацию, а кто-то нет, хотя само соглашение действует. Не только налоговое, но и таможенное сотрудничество прекращено.

— Как быть бизнесу в такой ситуации неопределенности, когда соглашение вроде есть, но непонятно, исполняется оно или нет?

— Вариантов много. Как я уже сказал, у нас вычеты по налогам, уплаченным в другой юрисдикции, сохраняются. А с другими юрисдикциями надо договариваться или уходить из них. Каждый решает свои проблемы по-своему. Кто-то ищет обходные пути, кто-то ищет новых контрагентов, новых партнеров, кто-то усложняет схемы взаимодействия. Индия стала главным экспортером нефти в Европу. Это страна, у которой нет ни одного нефтяного месторождения. Вот так и выкручиваемся.

— С какой политико-экономической целью введено и, главное, до сих пор сохраняется устранение двойного налогообложения?

— Вопрос достаточно непростой. Тут много и политики, и эмоций. Когда наш бизнес вытесняют всеми способами, и банковскими, и налоговыми, естественно желание как-то ответить. Например, у нас введен

так называемый налог на выход иностранного бизнеса из России. Это не совсем налог, а, скорее, отступное за то, что иностранцам в свое время открыли рынки, дали льготы. Сейчас тоже никто не выгоняет, но если вы выходите, то, как говорится, вход рубль, выход — два, заплати и иди дальше.

Другой тренд в том, что мы по-прежнему открытая страна. Мы приветствуем сотрудничество и инвестиции. В прошлом году было предложение ввести налог на возвращающийся бизнес — если ты решил вернуться, заплати налог и работай дальше, — но Минфин его не поддержал. Он прямо сказал: пускай возвращаются, никаких дополнительных, в том числе фискальных, ограничений ставить не будем. Поэтому здесь можно увидеть комбинирование кнута и пряника. Ситуация быстро меняется, и какое-то долгосрочное планирование сложно осуществить.

— Надо ли передать обязанность по уплате НДФЛ самим налогоплательщикам от работодателей?

— Давайте начнем с того, что на уровне экспертного сообщества об этом говорят еще с 90-х годов. Но для того чтобы переложить уплату налогов на физических лиц, требуется политическая воля. Пока такой необходимости власти не видят. А зачем? Все должно иметь свой смысл. Зачем снимать эту нагрузку с работодателей, если они как налоговые агенты успешно справляются со своей задачей? Ради повышения налоговой культуры, самосознания, финансовой грамотности? Пока овчинка выделки не стоит.

Чтобы это реализовать, надо очень многое ломать и в психологии граждан, и в самой системе. Я думаю, что в ближайшие пять — десять лет никто этим заниматься не будет. Более того, в планах властей, наоборот, возложить на налогового агента дополнительные функции, ему ранее несвойственные: например, в скором времени у налоговых служб может появиться официальная процедура уведомления работодателя о недоимках работника. Как это вам понравится? Приходит ко мне как директору письмо, что у меня Петров и Сидоров не заплатили транспортный налог. Что я должен с этой информацией делать? На доску позора вывешивать? Увольнять их?

Понятно, что власти надеются получить в лице работодателя если не партнера, то хотя бы союзника,

потому что работодателю получать такие письма некомфортно. Но это еще полбеды — думаю, с этим мы как-нибудь бы даже справились, однако где-то с 2025–2026 годов планируется переложить на работодателя учет всех вычетов налогоплательщика.

— Зачем?

— Насколько я понимаю, налоговая служба не хочет связываться с физическими лицами. Они думают: пускай работодатель как профессиональный налоговый агент этим занимается, ему это быстрее и удобнее. Да и работникам проще вступать во взаимоотношения с работодателем, чем с налоговой. Пришел в бухгалтерию, бросил бухгалтеру на стол бумаги про лечение, диспансеризацию, обучение детей, благотворительность, ГТО — и пусть он разбирается. ФНС, видимо, легче администрировать взаимодействие с работодателями, чем с каждым физическим лицом в отдельности.

— В условиях применения искусственного интеллекта и цифровизации, когда ФНС выступает главным агрегатором данных о гражданах, эта идея кажется странной.

— Есть противоречия, да. С одной стороны, ведется речь об отмене деклараций, так как ФНС может получать все данные от других ведомств, и даже законопроект об этом появился буквально на днях; с другой стороны, есть намерение передать контроль работодателю. Но это пока только планы.

— В прошлом году в НК были внесены изменения, допускающие введение разовых налогов. Как Вы относитесь к такому решению?

— Думаю, что ничего хорошего в этом нет. Успокаивает только то, что это не наше изобретение, в мире оно давно присутствует — и в США было, и в Великобритании, и в Сербии. Плохо еще то, что фактически налог на сверхприбыль из прошлого года перекочевал на 2025 год в виде увеличения налога на прибыль на 5%. Конечно, это мера вынужденная — все-таки рост бюджетных расходов очень большой. Но в целом я против разовых налогов, поскольку это нарушает стабильность. Кроме того, непонятна природа этого платежа — наказание налогами за сверхприбыль? Как-то это нелогично совсем. Кто-то хорошо сработал,

в короткий промежуток времени ему повезло, а его фактически за везение и наказывают.

— Как Вы оцениваете идеи с новыми налогами: на бездетность, на собак, ресторанный сбор, налог на роскошь и т.п.?

— Давайте по порядку. Во-первых, идеи о новых налогах вечны. Вот сколько ни существует государство, всегда найдется или политический деятель, или популист, или эксперт, кто будет предлагать новые налоги. Поэтому в самих предложениях ничего страшного нет.

Во-вторых, конечно, нагрузка на бюджеты это фискальное творчество стимулирует. Основные идеи по повышению старых и введению новых налогов пришли на весну прошлого года, когда у нас дефицит федерального бюджета составил чуть ли не 50%. Доходы сократились, а расходы выросли. К счастью, ситуация к концу года выровнялась. Повышение госпошлин, квазиналог на иностранное программное обеспечение — это все звенья одной цепи. Государству нужны деньги. К этому, я считаю, надо относиться с пониманием, потому что государство сейчас взвалило на себя огромное количество функций, а это требует финансирования.

Что касается непосредственно налога на бездетность, то я, конечно, к его введению отношусь отрицательно. Прежде всего, такой налог у нас вводить нельзя — этому препятствует ст. 3 НК, в которой закреплен запрет на дискриминацию по социальному критерию. А наличие или отсутствие детей — это как раз социальный критерий. Далее, я считаю, что нельзя решать современные проблемы архаическими методами. И в СССР-то этот налог народ не жаловал и давал ему хлесткое, достаточно неприличное название. Я его еще сам платил, будучи студентом. А налог был большой. Но надо помнить, что у него есть история, его ввели во время Великой Отечественной войны. А сейчас зачем его вводить? Проблемы демографической политики надо решать не посредством установления новых налогов, а путем предоставления льгот и преференций тем, кто имеет детей. Один ребенок — одна льгота, два ребенка — другая, если у тебя многодетная семья — получай уже целый набор льгот и мер поддержки. Мне кажется, лучше идти по этому пути, чем вводить налоги. И надо понимать, что введение такого налога не только создаст политическую и социальную

напряженность. Оно же потребует и дополнительных расходов бюджета на администрирование этого налога. Кто это будет делать?

Например, у нас есть транспортный налог, а никто же не считал, сколько мы тратим на его администрирование. По моим ощущениям, мы тратим на его собираемость больше, чем он дает региональным бюджетам. Тогда стоит ли нам вводить такие налоги?

— А стоимость администрирования налогов в принципе просчитывается?

— В открытом доступе я не видел такой информации. Предполагается, что все налоги у нас рентабельны. Скорее всего, затраты на администрирование основных налогов (НДС, акцизы, налог на добычу полезных ископаемых) окупаются, а вот по мелким, региональным и местным еще надо посмотреть. Я боюсь, что это тяжело посчитать точно, математически, потому что тот же транспортный налог администрируют больше десятка ведомств (ФНС, ГИБДД, инспекция по маломерным судам, Росавиация и др.). А это же все деньги, затраты. Как сформулировал еще Адам Смит в XVIII веке, налоги должны быть эффективны, т.е. сумма сбора должна быть больше, чем затраты по их сбору. Лично мне кажется, что по транспортному налогу этот принцип нарушается, но математических выкладок у меня нет. Минфин, во всяком случае, против отмены транспортного налога, хотя этот вопрос регулярно поднимается начиная с 2010 года, по-моему.

— Зачем с доходов бюджетников, включая военных, берут НДФЛ? Перекаldывание из кармана в карман получается.

— Не совсем перекаldывание. Я помню, в СССР подоходный налог с военных не взимался, так как это действительно было нецелесообразно в той бюджетной системе. Да и преподносилось это как особая привилегия для военных.

В наше же время необходимо учитывать федеративное устройство России. НДФЛ — налог федеральный, но зачисляется он в региональные бюджеты. Бюджетная система у нас едина, а конкретные бюджеты разные, поэтому логика в НДФЛ для военных вполне имеется.

— Сейчас законодатель планирует усилить контроль за регистрацией недвижимости. В Государственной Думе рассматриваются два законопроекта¹ на этот счет. Как Вам кажется, их цель — повысить собираемость налога на недвижимость?

— Нет, я так не считаю. В сфере недвижимости своих проблем полно. Что касается повышения собираемости налога на недвижимость, то никто не мешает тем же налоговикам проводить осмотры объектов недвижимости физических лиц. Другое дело, что у нас налоги администрирует Федеральная налоговая служба, а имущественные налоги поступают в местный и региональный бюджеты. Поэтому Федеральной налоговой службе неинтересны эти маленькие местные налоги. Кстати, Михаил Владимирович Мишустин в свою бытность руководителем ФНС пару раз осторожно озвучивал идею о том, чтобы оставить федеральным налоговым службам администрирование только федеральных и региональных налогов, а местные передать на уровень муниципалитетов. Но пока, исходя из принципа единства налоговой системы, это остается идеей.

Что касается этих законопроектов, то, я думаю, работа по усилению контроля за регистрацией недвижимости нужна в первую очередь с точки зрения гражданского права, наладки реестрового дела. Налоговый эффект от этого будет опосредованный. Такая же ситуация и с налогом на собак. В первую очередь надо навести порядок в сфере городского хозяйства, ветеринарного дела. А будет ли при этом взиматься какой-то — вопрос уже второстепенный.

У налогоплательщиков по имущественным налогам свои проблемы. Вот только недавно, 10 октября, появился текст Определения Верховного Суда по делу, где в очередной раз рассматривалась позиция налогового органа о том, что все, что попадает в имущественный комплекс, становится недвижимостью и подлежит налогообложению. Верховный Суд с этой идеей не согласился². Очень хлесткое Определение получилось. У меня даже возникло впечатление, что

Суд писал его с некоторым раздражением. Он сказал, что оборудование и недвижимость надо разделять. Что освобождение движимого имущества от налога — это целевая льгота, которую законодатель ввел для увеличения инвестиций, переоборудования производств. А налоговыми органами идея налогообложения объекта недвижимости практически доведена до абсурда. Суд поддержал налогоплательщика, и я надеюсь, что в скором времени изменится и практика на местах.

— Как Вы оцениваете порядок кадастровой оценки недвижимости для налоговых целей?

— Это извечная проблема. Как только появилась кадастровая стоимость, сразу возникли большие трудности с оценкой. Так, власти, изменив методику расчета, могут увеличить кадастровую стоимость и, соответственно, размер налога в разы. И налогоплательщик оказывается в двойственной ситуации. Ему повышают налог, он пытается это оспорить, а ему говорят: мы, мол, действуем по методике, какие к нам вопросы? А методику как оспорить? Это формулы.

Я считаю, что регулировать размер налогового бремени через изменение методик нельзя. Причем для физических лиц эта проблема была быстро решена, когда вне зависимости от методики расчета ограничили предельное увеличение размера налога — не более чем на 10%. Деловые сообщества предлагают ввести такой ограничитель и для бизнеса, но пока проблема остается. Приходится каждому бороться по конкретной ситуации, подавать заявления в согласительные комиссии, обращаться в суд, привлекать экспертов и пр. Потому что непонятно, как один и тот же земельный участок в одночасье с 1 января может вырасти в стоимости в пять раз? Тут есть недоработка, конечно, власти в своем стремлении установить точную рыночную стоимость переборщили.

— Поможет ли предпринимателям летний закон об амнистии дробления бизнеса?

— В целом я позитивно оцениваю любую амнистию. Эта амнистия, если считать амнистию капиталов, кажется, уже пятая по счету. Я еще помню первую, 1993 года, которую пытались реализовать при Борисе Ельцине. Поможет ли предпринимателям эта амнистия? Кому-то поможет. Например, агрессивным

¹ См.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/633966-8> и <https://sozd.duma.gov.ru/bill/543005-8> (дата обращения: 08.11.2024).

² Определение СКЭС ВС РФ от 10.10.2024 № 303-ЭС24-8693 по делу № А73-513/2023.

оптимизаторам, кто, как говорится, попутал берега и чувство меры утратил абсолютно, когда дробления видны невооруженным глазом, это поможет избежать негативных последствий доначисления налогов. Кроме того, амнистия поможет тем, кто не был внимателен к своим холдингам или группам компаний. Знаете, как предприниматели говорят? Мы с 1990-х годов работаем, под каждый проект у нас юридическое лицо, а всего 40 организаций и мы уже не знаем, как они там работают, какие налоги платят. Вот они тоже в зоне риска, и как раз для них амнистия — повод безболезненно поменять структуру, модель бизнеса. Многие боялись что-либо менять только из-за того, что делать это — все равно, что раскрыться и подставиться под внимание ФНС. И для таких предпринимателей амнистия, конечно, благо.

Но в деталях я ее критикую. Мне кажется, можно было бы расширить круг случаев, которые под нее попадают. Предлагали ввести амнистию и по техническим кампаниям, и по переквалификации сделок. Провести такую жирную черту и сказать: забываем всё, что было, и с 1 января работаем по-новому. Тем более и поводов для этого предостаточно: пандемия, поправка в Конституцию. Сам бог велел провести хорошую полноценную амнистию по налогам. Например, провели амнистию капитала, и получилось, что тем, кто ушел из России, вывел деньги, — прощается, а тем, кто работал в России, никуда активы не выводил, инвестировал в экономику и создавал рабочие места, — нет. Это несправедливо. Я не понимаю, зачем ограничивать амнистию решениями, не вступившими в силу на 12 июля? Зачем надо было ограничить периоды 2022–2024 годами, почему 2021 год не вошел? Еще важно, что амнистируется не все дробление, а только то, которое использовалось для целей применения специального налогового режима УСН или для доступа к 15%-ной ставке по страховым взносам. А если, например, дробление используется для пониженной базы по налогу на добычу полезных ископаемых, то амнистия на него не распространяется.

Фактически результаты этой амнистии мы увидим только в далеком 2027 году. Время есть, и я не вижу, что мешает законодателю убрать ограничения, чтобы ею смогли воспользоваться как можно больше налогоплательщиков. Самое главное замечание к этой амнистии в том, что до сих пор непонятно, какие дей-

ствия нужно совершить, чтобы ею воспользоваться и отказаться от дробления. В законе об этом ни слова. В Методических рекомендациях³, которые издала ФНС, указано, что любой порядок действий может считаться отказом от дробления, но это не сильно успокаивает. Я бы все-таки на месте законодателя прямо прописал варианты, как предприниматель может амнистироваться. Боюсь, что на практике в 2027–2028 годах, когда налоговые инспекции пойдут на проверки (это будет две проверки: за 2022–2024 и за 2025–2026 годы; если ты в 2025–2026 годах отказался от дробления, то тебе за 2022–2024 годы все недоимки, возникшие из-за дробления, простят), мы увидим множество конфликтных ситуаций, когда налогоплательщик будет считать, что он отказался от дробления, а налоговая будет говорить, что нет. Лучше бы этот вопрос на откуп практике не отдавать, тем более что практика может меняться.

А сама по себе амнистия — это хорошая идея. Я вообще сторонник того, чтобы разных амнистий было больше.

У многих представителей власти есть убеждение, что налогоплательщик спит и видит, как бы увильнуть, спрятаться, сэкономить, обмануть родное и любимое государство. Даже к нам, к налоговым консультантам, есть предвзятое отношение, потому что считается, что мы помогаем не платить налоги. Конечно, недобросовестные налогоплательщики и налоговые консультанты тоже есть, но, уверяю вас, большая часть современного российского бизнеса думает не о том, как уклониться от уплаты, а о том, как не попасть на какую-нибудь незаметную «налоговую кочку» или «ухаб», о котором налогоплательщик даже не подозревал. Прежде всего предприниматель хочет, чтобы все налоги были уплачены в соответствии с законом. Естественно, что никто не хочет платить больше, чем необходимо. Но у государства и нет такой цели. Об этом говорит и сам законодатель, и Конституционный Суд, и Верховный Суд: налогов надо платить ровно столько, сколько требуется по закону. И лучшая оптимизация — это не переплачивать налоги.

³ Рекомендации по применению налоговой амнистии дробления бизнеса. URL: https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/files/about_fts/amn_recomm.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

— Вы говорили, что началась дискуссия о пересмотре принципов налогообложения. В этом есть потребность?

— К сожалению, да, пересмотр уже начался. Можно сказать, что ревизия системы принципов или основных начал законодательства о налогах и сборах началась в прошлом году, когда были внесены поправки в п. 6 ст. 3 НК. В предыдущей редакции после слов «при установлении налогов должны быть определены все элементы налогообложения» стояла точка, а теперь появилась запятая и оговорка о том, что это правило неприменимо к налогам разового характера (п. 9 ст. 1 НК). Отныне Правительство или Минфин может устанавливать отдельные параметры налоговой базы или ставки. Я против этого как человек, который видел, как принимался Налоговый кодекс, какие были баталии. И потом, принципы — это что-то незыблемое, фундаментальное, то, что трогать нельзя. Их нельзя обесценивать. Как я уже говорил, например, предло-

жение ввести налог на бездетность нарушает принцип запрета дискриминации по социальному критерию. То же относится и к идее о введении особых ставок или налогов для лиц, имеющих второе гражданство. Статья 3 НК говорит, что не допускается устанавливать дифференцированные ставки налогов и сборов, налоговые льготы в зависимости от формы собственности, гражданства физических лиц или места происхождения капитала. Правда, инициаторы этого налога предлагают и третью статью отменить, но я это абсолютно не поддерживаю. Налоги — это не тот соус, которым можно сдабривать любое экономическое или политическое решение. Если мы углубимся в историю, то увидим, что ни одна налоговая реформа не была проведена сама по себе. Налоговая реформа — это всегда часть какой-то более глобальной экономической и политической реформы. А значит, бездумно изменять правила и принципы налогообложения, вне связи с политическими и экономическими реформами, нельзя.❶